

два
рассказа

142

*Айгуль
Талимакберова*

Пока день не разлучит нас

143

– К ЭТИМ никого не подселай, – зашёл я в наше с напарником купе.

Вениамин удивлённо поднял на меня глаза.

– Просто не надо, – коротко пояснил я. – Размещай в других.

– Родион Викторович, ну ведь тогда и уборки больше будет.

– Ничего страшного, приберёмся. Пассажиров не так уж много, скорее всего, и на других станциях сядет мало. Поверь моему опыту.

Напарник только вздохнул. Спорить со мной не станет – молод ещё. Это я работаю на железной дороге вот уже почти три десятка, а он без году неделя.

Ночью, когда последние пассажиры нашего вагона уgomонились, завершили ритуалы, я ещё раз прошёлся по вагону, проверил всё ли в порядке. Проходя мимо четвёртого купе, невольно улыбнулся, вспоминая, как они счастливо засветились, когда я сказал им, что никого к ним не подселю.

– Эта ночь ваша, пока день не разлучит вас, – сказал я им, закрывая дверь. Они обрадовались, и уже в следующую секунду для них я не существовал. Они видели только друг друга.

«Совсем как мы тогда», – думал я, лёжа глубокой ночью на своём месте. И под мерный стук колёс незаметно как-то переместился в прошлое.

Мне было двадцать пять, когда я из Просницы, что в Кировской области, поехал в Кисловодск. Как сейчас помню, на улицах бушевал лютый февраль, про

который мой дед говорил: со времён царя Гороха такого не бывало.

Красная нить термометра замерла на отметке «–28» и не желала подниматься хотя бы на два-три градуса выше. Ветер нещадно буйствовал несколько дней кряду. Пригоршнями швырял людям в лицо снег. И не мягкий, пушистый, а колючий, словно и не снег вовсе, а десяток канцелярских кнопок. Люди закутывались в шарфы и шали по самые глаза. По возможности старались не выходить на улицу, кто мог, оставлял детей дома. А если отсидеться не получалось, то оттягивали момент выхода до последнего, словно это могло спасти. Нет, в тот февраль ничего не спасало от свирепого холода.

Позже я думал, не был ли февраль моим сообщником? Ведь как ещё объяснить, что всегда полные вагоны поездов вдруг оказались практически пустыми. Безлюдной была и сама железнодорожная станция.

В Кисловодске жила моя тётя. Была она незамужней, и ей срочно потребовалась помощь с ремонтом. На семейном совете было решено отправить меня. Тем более, на тот момент я находился в отпуске. Мама тут же собрала посылку для сестры: две огромные сумки, поднять которые даже мне, двадцатипятилетнему мужику, было сложно. Спасали толстые варежки, благодаря которым ручки сумки не впивались в пальцы.

В купе я оказался один, чему обрадовался, – если и будут попутчики,

то уж лучше завтра, когда рассветёт. А сейчас на улице темно – самое время спать под привычный стук колёс. Я расстелил постель на нижней полке, переоделся и вытянулся на постели. Достал книгу, решив почитать, пока не сморит сон.

На следующей станции – в Зуевке – двери моего купе открылись, и вошла она. За её спиной стоял крепко сложенный подросток, держа в руках чемодан и дорожную сумку.

– Коля, положи вон туда, – показала она на нижнюю полку напротив меня. – И беги. Поезд стоит всего две минуты.

Она быстро поцеловала подростка в щёку, встала у окна напротив купе и стала махать кому-то в окно. Я смотрел на её спину в тёмном пальто и не знал, радоваться ли мне такой попутчице.

Поезд тронулся, и она вошла в купе, наполнив его не только своим присутствием и ещё слегка морозным воздухом, но и тонким ароматом духов.

– Здравствуйте, – сказала она нараспев.

Даже сейчас я помню её голос, спокойный, уверенный и отчего-то показавшийся мне прохладным. Нет, я никогда не был мастером описывать чью-то внешность. Я и цвет волос-то не всегда замечал. Возможно, всё, что я помню – только плод моего воображения, умноженный на воспоминания. Поди разбери теперь, по прошествии трёх десятков лет.

Я ответил на её приветствие и вновь уткнулся в книгу, хотя сам краем глаза рассматривал попутчицу.

Молодая. Лет двадцать от силы. Вот она повесила пальто на плечики (я отметил, что пальто на ней дорогое), на верхнюю полку положила меховую шапку. Рядом с ней – небольшую дамскую сумочку. На ней было тёплое платье. Моя практичная мама ни за что не надела бы такое платье в дорогу. Белое, в крупную клетку. Волосы заплетены в косу, обёрнутые вокруг головы в мудрёный жгут. Мне, мужчине, сложно

объяснить словами, как всё это называется.

Я видел, что девушка явно из обеспеченной семьи. Прямая осанка и то, как она уверенно держалась, тоже говорили об этом.

– Вы не выйдете, я переоденусь? – спросила она тем же ровным с едва заметным холодком, голосом.

– Да, конечно! – Я тут же вскочил и вышел из купе, щёлкнув дверным замком.

Спустя несколько минут она выглянула из дверей, показав, что можно входить. Теперь на ней было зелёное красивое платье. От самого ворота до низа поблёскивали белые пуговицы. Я никогда не обращал внимания на одежду и запомнил только потому, что внешний вид моей попутчицы отличался от людей моего круга общения. Жгут на голове она распустила, и теперь на спине лежала чёрная коса.

Я сел на своё место. Хотелось перекусить, но при этой обеспеченной девушке было как-то неловко доставать яйца и хлеб с маслом, которыми снабдила меня мама. Но она спросила:

– Вы не знаете, есть ли у проводника чай?

– Конечно! – тут же ответил я.

– Тогда я схожу за чаем... – И она вышла.

Через несколько минут вернулась, и тогда уже я пошёл за чаем.

– Вы не были в вагоне-ресторане? – спросила девушка.

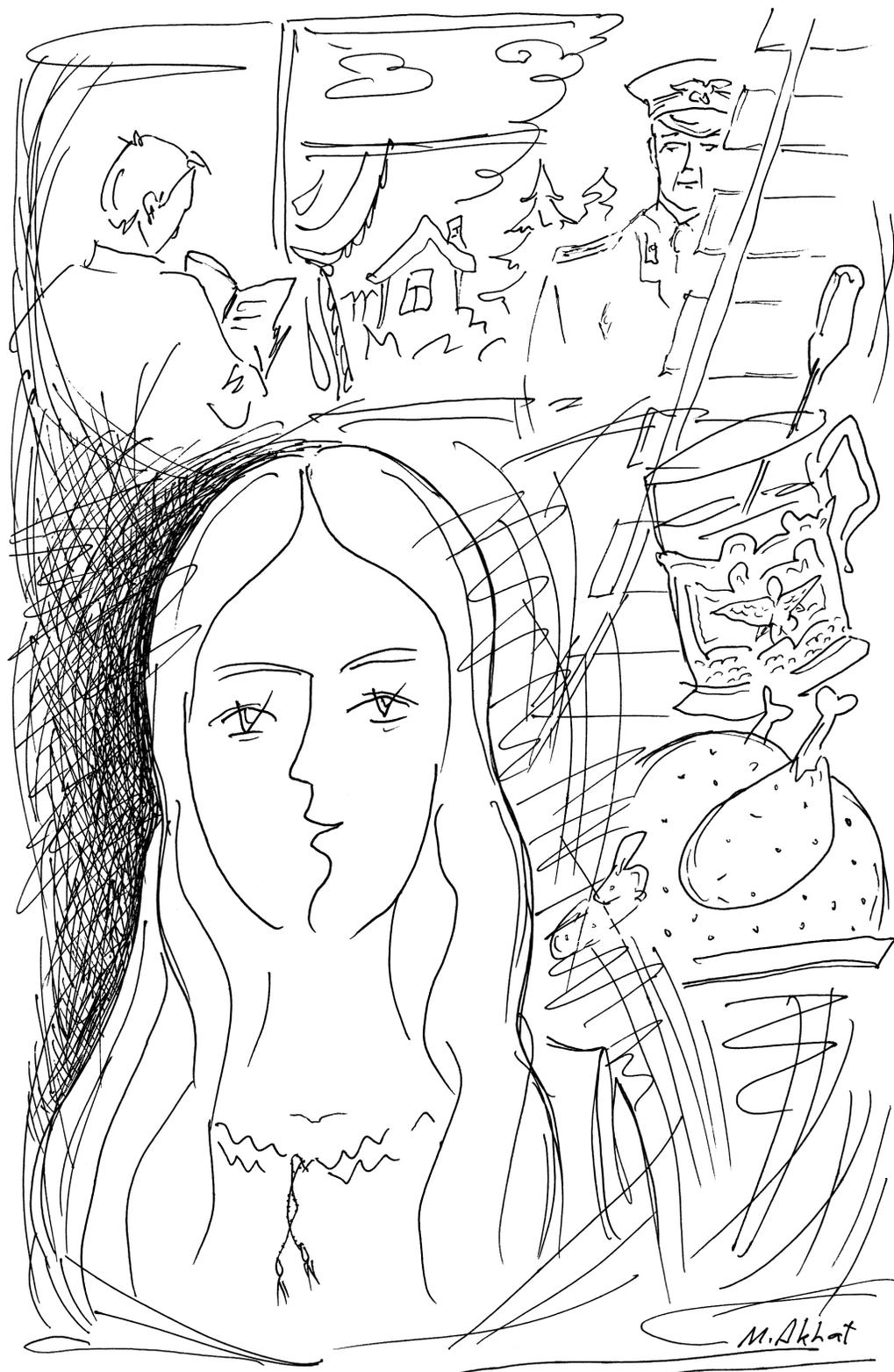
Я отрицательно помотал головой:

– Меня мама снабдила едой, до самого Кисловодска, – пошутил я.

– Поделитесь? – вот так запросто спросила она, и тут моего стеснения будто не бывало.

Я достал всё, что у меня было: яйца, хлеб с маслом, пирожки с повидлом и шаньгу с картошкой, домашнее печенье и даже варёную курицу. Мама настаивала, чтобы я съел её в первую очередь, иначе может испортиться.

– Угощайтесь!

Девушка улыбнулась и принялась есть. Неспешно, аккуратно. Но не было в её движениях жеманства и кокетства. Они были естественны и красивы. Я любовался.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Инга. А вас?

– Родион, но мне привычнее Родя.

– Далеко едешь? – спросила Инга, переходя на «ты».

– До Кисловодска. А ты где сходишь? – Я тоже решил, что «выкать» дальше нет смысла.

– В Казани. Так что нам с тобой до обеда вместе ехать.

– Я рад, – искренне ответил я.

Отчего-то мне было легко в компании Инги, хотя мы знакомы всего пять минут, а увидел я её немногим раньше – двадцать минут назад. Позже много раз убеждался – с теми, с кем легко с первой минуты и дальше будет хорошо. Ей было двадцать, и эта юность, свежесть, непорочность сквозили во всём. В движениях, словах, заливистом смехе.

Мы легко расправились с курицей, я пошёл к проводнику за новой порцией чая. За окном была непроглядная темень, в купе полумрак. Поезд пересекал полустанки, деревни. Из труб, летящих мимо домов, вился дымок, там в тепле спали люди... А я стоял перед дверью купе и чувствовал, как что-то важное происходит в это самое мгновение.

Она повернула голову к двери, когда я заходил, и сколько бы лет ни прошло, буду помнить, как она выглядела в ту секунду. Тело её едва заметно покачивалось синхронно движению поезда. Глаза искрились отблесками тусклой лампы. Одновременно с этим в них читалась вековая мудрость и тоска. Белая кожа словно бы светилась изнутри, хотелось дотронуться до неё, провести пальцами по шее (дальше моя фантазия идти не рисковала)... В чуть приоткрытых губах видны были ровные жемчужные зубки.

Это длилось всего мгновение. Это длилось вечность. Мы успели прожить не одну жизнь, пока вот так вот смотрели друг на друга. Я в дверях купе с двумя подстаканниками. Она, сидя у столика.

– А вот и ваш чай, сударыня, – шутливо сказал я и поставил подстаканники с дымящимся напитком на стол. – Не изволите домашнего печенья?

– Изволю, чтобы вы меня поцеловали, – так же шутливо ответила она и встала.

Позже я думал о том, как легко давались ей слова. То, о чём я боялся даже в мыслях себе представить, то, что ещё не облеклось в слова в моей голове, она произносила легко и искренне.

Я обнял её за талию. Она не пошевелилась. Стояла и смотрела мне в глаза. Я наклонился к её лицу, почувствовал аромат духов и тёплое дыхание. Мягко коснулся манящих губ. Мне хотелось целовать её нежно, бережно. Мне хотелось растерзать её в своих объятиях. Не знаю, как эти два чувства могут ужиться в человеке одновременно!

Когда я оторвался от её губ, она снова посмотрела в мои глаза пронзительным взглядом, полным тоски. Положила голову мне на грудь и обняла. Так мы и стояли посередине купе, обнявшись. Наши тела слегка покачивались, и со стороны могло показаться, что мы танцуем.

Инга взяла меня за руку и сделала шаг в направлении своей постели. Клянусь, сам бы я никогда не решился на этот шаг. Она была слишком не досягаемой для меня. Мы сели на постель и, не отрывая от меня взгляда, она положила мою руку на свою грудь там, где была первая пуговица.

Я расстегнул каждую. Каждую приправил поцелуем. С новой пуговицей её тело становилось желаннее и беззащитнее. Она трепетала в моих руках, меня обдавало жаром. И я уже не понимал, нас трясёт от движения поезда или от безумного желания. Она распустила

косу. Белая кожа. Белые простыни. Чёрные волосы, рассыпанные по плечам...

– Если бы ты жила в Средневековье, то тебя сожгли бы на костре. Нельзя быть такой красивой, – прошептал я. Она чуть вздрогнула и прижала мою голову к себе.

Я не был опытным любовником. К моим двадцати пяти годам я не мог похвастаться сколь-нибудь большими победами. Даже сказать, что я бывал на высоте, значит, сильно преувеличивать. Но тогда, в ту самую минуту, я делал что-то совершенно невероятное и не понимал, откуда во мне всё берётся.

И вдруг она вскрикнула от боли. Я ошарашенно поднялся на руках.

– Так ты ещё?..

– Да, – прошептала она и не оттолкнула меня, не отстранилась...

Позже я сходил за горячей водой, обтёр её тёплым полотенцем, помог привести себя в порядок. Усадил на свою постель, укутал двумя одеялами и снова принёс чай.

Она сидела, подтянув колени к подбородку, и смотрела в тёмное окно. Я подсел к ней. Инга повернула ко мне лицо, вытащила руку из-под одеяла и провела прохладными пальцами по моим щекам.

– Спасибо тебе!

– Это тебе спасибо. Ты волшебная. Не знаю, из какой сказки появилась.

– Побудь со мной, пока день не разлучит нас... – прошептала Инга.

– Я не хочу с тобой расставаться, – признался я.

Инга молчала, отхлёбывая мелкими глоточками горячий чай. Я чувствовал, что она хочет что-то сказать, но также понимал, что нельзя её торопить. Она из тех, что скажет искренне, но только тогда, когда будет готова.

– В Казани меня встретит жених. Потом мы поедем дальше, к месту его службы и там поженимся. Он военный.

– Понятно, – прохрипел я.

И мне казалось, что тысячи иголок вонзились в моё сердце.

– Я не люблю его, – коротко сказала Инга, не глядя на меня, словно разговаривала сама с собой. – Он старый. Ему уже сорок.

– А зачем тогда? – прошептал я.

– Так надо... От меня это не зависит.

– Инга... – начал я.

Но она приложила палец к моим губам:

– Т-с-с-с... Не говори ничего. Это ничего не изменит. Всё уже давно решено, и не в моих силах противиться этому. Мой папа военный, и я не умею бороться, я умею только подчиняться.

Я не знал, что сказать в ответ. Предложить сойти на её станции вдвоём? Наверное, я смалодушничал, не предложив это. Но что я мог ей дать, кроме той любви, что зародилась во мне в ту ночь?

– Я в дочери ему гожусь, – промолвила Инга. – Я буду хорошей женой, верной. Но я счастлива, что не он стал первым.

– Инга... – К горлу подкатил предательский комок, мне казалось, ещё чуть-чуть и я разрыдаюсь.

– Просто люби меня, пока день не разлучит нас, – сказала она.

Под утро она задремала. Я всматривался в её детское и уже такое взрослое лицо. Поправлял волосы, разметавшиеся по подушке. Сердце сжималось от одной мысли, что скоро, совсем скоро за окном станет светло.

И день неотвратимо наступил.

– Не провожай меня. – Она поцеловала меня на прощание долгим и полным нежности поцелуем. – Спасибо тебе за всё!

– Инга, я люблю тебя. Остайся! – только и смог я выдавить из себя.

Она приложила пальчик к моим губам и отрешённо качнула головой:

– Не могу.

Я смотрел, как она идёт к выходу, как кто-то незримый для меня подаёт ей руку, и она спускается на перрон. Видел высокую, статную фигуру, подхватившую её чемоданы. Она не обернулась.

Шла рядом со своим будущим мужем, гордо расправив плечи и высоко подняв подбородок.

Я не помню, как доехал до Кисловодска. Кажется, ко мне кого-то подселили. Кажется, я с кем-то разговаривал. Не помню. Я был весь во власти той ночи и не желал покидать её, хотя солнце давно уже было в зените. День разлучил нас.

Иногда мне кажется, что всё это было не со мной. Может, это просто плод фантазии? В такие минуты я достаю из нагрудного кармана белоснежный носовой платок. Провожу пальцами по вышитым инициалам С. И. Д., пытаюсь вдохнуть аромат духов, который, конечно же, давно выветрился. Но я его чувствую. Так же, как явственно вижу блеск её глаз и рассыпанные по белым плечам чёрные волосы.

* * *

– Родион Викторович, вы сколько уже работаете на железной дороге?

– Третий десяток.

– И не надоело?

– Нет, Веня, не надоело.

– А я не смог бы так долго заниматься одним и тем же делом. Я вот только этот год поработаю и всё, мне для практики нужно.

Я киваю. Сколько за эти годы сменилось напарников и напарниц! Сколько сотен тысяч километров я проехал? Сколько часов проведено под мерный стук колёс. Никогда не узнать, не сосчитать и не измерить. Да мне и не надо. Я нахожусь там, где я счастлив. И всякий раз, собираясь в рейс, надеюсь, что вдруг встречу Ингу. Но, конечно, это просто мечты.

Тот день разлучил нас.

148

У каждого своё поле...

два рассказа

СМЕШЛИВАЯ девчушка сидела на обшарпанном диване, укрытом разноцветным покрывалом. С краёв свисала разлохматившаяся бахрома. Местами она была заплетена в косички, а кое-где отсутствовала вовсе. Покрывало было старенькое, как и сам диван, и дом, в котором он стоял. Помимо девочки, на диване расположилась большая миска вишни и маленькое блюдце для косточек. Девчушка выбирала пальчиками крупные ягодки, отправляла в рот, причмокивая от удовольствия.

В полутора метрах от дивана за кухонным столом хлопотала бабушка. Не

смотря на пышность форм и кажущуюся неповоротливость, успевала перемешивать варенье, снимать пенку с бульона и чистить картошку. Не забывала поглядывать на внучку, с аппетитом поедавшую бордовые ягоды.

В кухню из двери, ведущей в дружную комнату, вошёл кот. Был он обладателем мускулистого тела и большого самомнения, читавшегося во взгляде жёлтых глаз. Огляделся, поводит усами, дёрнул кончиком хвоста и потёрся о бок дивана.

– Аля, ты бы не трогала Ваську, у тебя пальчики липкие, шерстинки на-